

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ВЕНГРЫ 1918—1922 гг.

Елена Юрьевна БОНДАРЕНКО, кандидат исторических наук, доцент Владивостокского института международных отношений (ВИМО) АТР ДВГУ. Имеет свыше 60 научных публикаций, большинство из которых посвящено тематике иностранных военнопленных на российском Дальнем Востоке в XX столетии.

В годы первой мировой войны Австро-Венгрия потеряла на Восточном фронте пленными 1670395 солдат и 22082 офицера — более половины всех военнопленных первой мировой¹.

Вместе с остальными военнопленными венгры стали поступать на Дальний Восток России в конце 1914 — начале 1915 г. и заключались в лагеря под Хабаровском, Николо-Александровском, Спасском, Никольском-Уссурийским, Раздольном, Шкотовом, в Благовещенске². В Хабаровском и Краснореченском лагерях в период с 1914 по 1918 г. находились 45 тыс. солдат и 4 тыс. офицеров, большую часть которых составляли пленные австро-венгерской и германской армий³.

После победы советской власти на Дальнем Востоке России, в результате большевистской пропаганды и агитации среди военнопленных многие из них уже в конце 1917 г. стали вступать в ряды Красной Армии по договору. Принимал их в русское подданство немедленно по подаче прошений Совет рабочих и крестьянских депутатов. Разрешалась даже перемена фамилий, чем воспользовались многие венгры. Так, в лагере Никольска-Уссурийского венгерские и немецкие военнопленные, желавшие вступить в Красную Армию, были организованы в комитет, задача которого состояла в агитации венгерских военнопленных за вступление в Красную Армию и поддержании связи с пленными из других лагерей. Комитет назывался «Интернациональная социал-демократическая организация иностранных пролетариев»⁴.

Председателем ее являлся Бурнард, секретарем — Гейфельд (оба венгры), все документы печатались на русском, немецком и мадьярском языках. Никольск-Уссурийский комитет являлся руководящим центром по вовлечению военнопленных в ряды Красной Армии и принятию ими российского подданства. 8 июля 1918 г. Дальневосточный Совет Народных Комиссаров постановил: бывших военнопленных, если они не приняли советского подданства, согласно постановлению Дальсовнаркома от 29 мая 1918 г. не зачислять в ряды Красной Армии⁵.

Таким образом, в первой половине 1918 г. стремление военнопленных быть среди защитников социалистической революции стало таким массовым, что из бывших военнопленных началось формирование самостоятельных воинских отрядов и подразделений Красной Армии.

В начале 1918 г. для Уссурийского фронта из бывших военнопленных дальневосточных лагерей был образован отряд численностью в 1200 чел⁶. Он получил название 1-й Хабаровский интернациональный отряд. 26 июля 1918 г. по приказу Дальневосточного краевого штаба Красной Армии, гвардии и флота в Хабаровский интернациональный партизанский отряд, в который входили четыре пехотные роты, одна легкая батарея из четырех орудий, эскадрон кавалерии, пулеметная команда при 9 пулеметах, инженерная часть, состоявшая из телеграфной, телефонной, саперной и подрывной команд и санитарного

отряда, был приравнен по денежной, фуражной, провиантской и материальной отчетности к красноармейскому полку⁷.

Комиссаром и начальником отряда назначили венгра Караича, венграми были также начальник штаба, делопроизводители, заведующие хозяйственной и инженерной частями, командир кавалерийского эскадрона. Отряд Караича входил в состав войск Уссурийского фронта. По данным на август 1918 г., здесь служили представители различных национальностей: русские, венгры, китайцы и т.д. Участник боев на Уссурийском фронте, бывший венгерский военнопленный А. Гольдфингер, в воспоминаниях о военной деятельности венгерской группы РКП(б) пишет следующее: «Партийный комитет работал усиленно, вербовал отряд для отправки на помощь русским товарищам на фронт. Удалось сформировать отряд, и несколько офицеров вступили в него добровольно, а именно: штабс-капитан Тот, прапорщик Лазер, прапорщик Ваца, прапорщик Шари. Отряд отправили на Никольск-Уссурийский фронт. Этот отряд до последнего момента оставался в распоряжении советской власти на Дальнем Востоке»⁸. Вместе с тем многие венгерские офицеры отказывались помогать военнопленным большевистски настроенным венграм в надежде на скорую отправку домой. Такие офицеры называли своих соотечественников «большевистскими ворами» и обещали, что на родине их ждет веревка⁹. Однако большая часть бывших военнопленных венгров все же решила поддержать советскую власть. «Мы пойдем на Восток, на баррикады, — говорили они. — Наше место там, потому что оттуда грозит сейчас самая большая опасность... Первейшая задача международного пролетариата — разгромить на улицах ... Благовещенска наемных убийц, купленных на золото»...¹⁰

Внутренняя контрреволюция не могла оказать серьезного сопротивления революционным силам на Дальнем Востоке, как и повсеместно в России. На помощь ей пришли интервенты. 29 июня 1918 г. во Владивостоке произошел белочешский переворот. Образовался Уссурийский фронт. Советское командование сосредоточило на этом фронте 17 красноармейских и красногвардейских отрядов общей численностью 3270 штыков и 250 сабель¹¹. В числе бойцов были 560 интернационалистов, главным образом чехи и венгры¹². Позже к ним на помощь подошел 1-й Хабаровский интернациональный партизанский отряд численностью 1200 бойцов, где значительную часть составляли венгры¹³. Именно они, защищая самые решающие участки фронта, понесли существенные потери¹⁴. Всего в боях с интервентами и белогвардейцами на Дальнем Востоке в 1918 г. погибли 311 венгров¹⁵. Под натиском превосходящих сил противника революционные войска вынуждены были отступить.

Хабаровский комитет венгерских интернационалистов 28 августа 1918 г. провел последнее заседание, на котором было принято решение «всем отступить в верховья Зеи Амурской области совместно с отступающей Красной Армией»¹⁶.

Часть бывших венгерских военнопленных вместе с Прибайкальским и Даурским фронтами отошли по железной дороге в Амурскую область. Сюда же отступили венгерские военнопленные из Приморья, воевавшие на Уссурийском фронте. 5 сентября 1918 г. был оставлен Хабаровск. Несколько отрядов Уссурийского фронта рассеялись в ходе отступления по таежным районам Амурской области, другие вышли к Благовещенску. Военнопленные, оставшиеся в Хабаровске и Благовещенске, подверглись пыткам и расправам. Обращение с пленными, особенно венграми, на захваченных противником территориях было настолько жестоким, что даже командующий контрреволюционными военными силами на Восточном фронте полковник Р. Гайда издал приказ о запрещении своим подчиненным прибегать к таким мерам наказания, как, например, битье прикладами. Вместе с тем в том же приказе Гайда требует в отношении военнопленных, поданных центральных держав, расстрела или повешения в том случае, «если они действуют совместно с советскими войсками и будут пойманы с оружием в руках в бою»¹⁷.

Число жертв таких расправ велико. Только после восстановления советской власти в Благовещенске удалось установить их имена и затем обнародовать в списке жертв интервенции в книге «Красная Голгофа». Среди погибших немало бывших военнопленных венгров: Лайош Лискаи, Йожеф Ковач, Асман Вальтер, Франц Лихтенауэр и др.¹⁸

Сохранилось письмо бывшего офицера австро-венгерской армии Л. Лискаи, перешедшего на сторону большевиков и приговоренного военно-полевым судом в конце 1918 г. к расстрелу в г. Благовещенске. В нем, в частности, есть такие строки: «... Теперь первый раз в жизни я действительно знал, за что я борюсь, и армия, в рядах которой я сражался, тоже понимала это, до единого человека. К сожалению, нам не повезло»¹⁹.

Трагическая судьба в сентябре 1918 г. ожидала 18 бывших военнопленных австро-венгерских музыкантов из Хабаровской кофейни «Чашка чая». Эта команда была образована в Хабаровском лагере в 1916 г. как любительский оркестр. В его состав вошли 14 венгров, 2 австрийца и 2 чеха. Основную часть музыкантов составляли военнопленные рабочих профессий, кроме них было 3 офицера. В интернациональный отряд Караича музыканты вступить отказались, мотивируя это своей аполитичностью, и продолжали до сентября 1918 г. играть в хабаровской кофейне «Чашка чая».

В начале сентября чешский унтер-офицер Юлинек Чешки, занимавшийся шпионажем в пользу японцев, предложил оркестрантам подготовить праздничную музыкальную программу для встречи входивших в Хабаровск японцев. Музыканты отказались, вновь объяснив это решение своей аполитичностью. За отказ все 18 музыкантов — в их числе Р. Вайда, Е. Гржен, Х. Гути, Р. Иркин, О. Кампел, Е. Краус, Ф. Липот, Е. Раризен, П. Унгар, Р. Сингер, Я. Штевик, Л. Элспер — были казнены японцами в Хабаровском городском парке²⁰.

По воспоминаниям очевидцев, среди бывших венгерских военнопленных оказалось много солдат других национальностей, в том числе хорватов и словенцев. Словенцы и хорваты лучше общались на русском языке и говорили, что они венгры, а венгры говорили, что они мадьяры. Когда венгров, словенцев и хорватов белогвардейцы задерживали в Благовещенске и подвергали «сортировке», то при вопросе «Кто ты такой?», — словенцы говорили по-русски «Я венгр», а венгры отвечали: «Я мадьяр». «Венгры» оставались живы, их только отправляли в тюрьмы или лагеря, «мадьяров» же расстреливали, т.к. их считали грозой для белогвардейцев²¹. Вместе с тем многие добровольно возвращались в лагеря, надеясь спастись там. К началу 1919 г. на Дальнем Востоке в лагерях военнопленных числилось около 5 тыс. чел²². Условия там оставались чрезвычайно тяжелыми. В конце 1919 г. в Хабаровском лагере началось массовое восстание, которое было жестоко подавлено²³.

Многие венгры совместно с немцами, поляками, австрийцами, чехами, словаками участвовали в партизанском движении на Дальнем Востоке. Венгерские партизаны воевали совместно с другими интернационалистами, многие выдвигались на командные посты. Так, в отряде «Образцовый» заместителем командира назначили Ференца Питржика. В районный партизанский штаб также ввели двух венгров²⁴.

Известно и о самостоятельных партизанских отрядах интернационалистов на Дальнем Востоке. Так, в Амурской области на р. Зее действовал отряд венгра Т. Леви, в районе Воеводского прииска и станции Магдагачи — Яноша Ковача. Позднее отряд Ковача слился с Ольдойским отрядом Щербакова, и Янош Ковач стал заместителем командира объединенного отряда. В Зейском районе Амурской области действовали также партизанские группы венгров Летаи, Миграи и др.²⁵

Особым мужеством отличался отряд Я. Ковача. Он насчитывал 120 чел. и после освобождения от японских интервентов станции Магдагачи получил название 1-й Байкальский партизанский кавалерийский отряд, который по

предложению Я. Ковача в июне 1919 г. ликвидировал семеновский железнодорожный отряд, так называемый «поезд смерти»²⁶.

В 1919 г. на Дальнем Востоке действовал 1-й Благовещенский коммунистический интернациональный полк, созданный еще в августе 1918 г. и получивший название «Легион». В его составе было до 800 иностранцев, более половины из них — венгры²⁷. В своем воззвании от 18 августа 1918 г. «легионеры» назвали этот отряд отдельной частью Красной Армии и заявили, что всемерно будут стараться «укрепить власть Советов»²⁸.

После освобождения Благовещенска в феврале 1920 г. 1-й интернациональный коммунистический полк был отправлен на Восточно-Забайкальский фронт²⁹. В составе 2-й Амурской стрелковой дивизии он, реорганизованный в полк особого назначения, сражался с войсками атамана Семенова до полного освобождения Забайкалья.

Именно интернационалистам доверили охрану золота, которое надо было спасти от возможного захвата интервентами. Тайно доставленное из Владивостока в Благовещенск, оно было эвакуировано на отдаленный прииск в Амурской области — Лебединый, а затем переправлено в Москву. Охрану золота обеспечивал отряд венгров-интернационалистов под командованием Роберта Ниландера³⁰.

Образование и существование Дальневосточной республики — этого буфера, не имеющего аналога в международной истории, также оказало большое влияние на иностранных военнопленных. Сложная международная и военно-политическая обстановка в начале 1920 г. вынудила советское правительство во главе с Лениным пойти на политический маневр, чтобы не допустить вооруженного столкновения с империалистической Японией. Необходимо было временно отказаться от восстановления советской власти на Дальнем Востоке и создать от Байкала до Тихого океана временное, формально самостоятельное государство со своей столицей, собственным государственным гербом и флагом, а также армией. ДВР была образована в апреле 1920 г. с центром в г. Верхнеудинске³¹.

Большого труда стоило убедить в необходимости «буфера» бойцов партизанских отрядов, которые не признавали никакой власти, кроме советской. На этой позиции стояли и венгерские партизаны: «Мы за власть Советов — против ДВР»³². Для венгров-интернационалистов казалась неприемлемой и создававшаяся на базе красногвардейско-партизанских отрядов Народно-революционная армия ДВР. Они не хотели менять красную звезду на значок ДВР — сине-красный ромб на левом рукаве, отказывались прикреплять синюю нашивку на революционный красный флаг. В отчете о деятельности Венгерской секции при областном бюро РКП(б) Забайкалья от 11 января 1921 г. говорилось о необходимости и «в будущем... разъяснять необходимость буферного государства»³³.

Народно-революционная армия, как и сама ДВР, была лишь формально самостоятельной. Об этом четко сказал зам. наркома иностранных дел РСФСР Л.М. Карахан: «Народно-революционная армия ДВР, будучи формально подчинена правительству этой ... республики ... на деле должна быть одной из армий Советской России. Все сношения, помимо сношений со своим правительством, должны вестись непосредственно из московского центра со штабом главкома НРА. Главком ДВР назначается Реввоенсоветом РСФСР и формально утверждается правительством ДВР. Непосредственно не подчиняясь Сиббюро ЦК РКП(б), должен быть с ним в тесном контакте, доводить до сведения о всех своих распоряжениях. В состав правительства ДВР Сиббюро делегирует своего представителя. Внешняя политика ДВР полностью подчиняется РСФСР. Все дипломатические мероприятия и заявления ДВР принципиального характера делаются с санкции ЦК»³⁴.

Эту установку ЦК партии сформулировал в «Кратких тезисах» политбюро ЦК РКП(б) от 13 августа 1920 г. Таким образом, правящей партией в ДВР

стала коммунистическая партия, и строительство ДВР осуществлялось под руководством Дальбюро ЦК РКП(б), причем бывшие венгерские военнопленные использовались на ответственной работе в органах госполитохраны и подразделениях пограничной службы ДВР. Так, в отчете о деятельности Верхнеудинской венгерской секции Сиббюро ЦК РКП(б) за март 1921 г. было сказано: «Товарищи Шандор Надь, Андраш Ладош, Михей Савер направлены Госполитохраной на пограничную службу... Михей Риго служит в пограничном батальоне, Якоб Галло — в Госполитохране»³⁵.

Однако многие бойцы интернациональных отрядов, особенно венгры, плохо понимавшие русский язык, долгое время не признавали Дальневосточную Республику и требовали неопременного установления советской власти на Дальнем Востоке.

В июне 1920 г. в Благовещенске едва не дошло до кровопролития между 1-м Благовещенским коммунистическим интернациональным полком (командир Голиков) и 5-м советским полком под командованием А.Ф. Петрова-Тетерина, признавшим Народно-революционную армию ДВР. Прошел слух о том, что советский полк хочет разоружить интернациональный. Венгры насторожились, выставили посты, в полк никого не пропускали. Когда Голиков с другими командирами интернационального отряда обратился к бойцам-венграм с призывом признать ДВР и командование НРА, они были арестованы. В полку ввели боевую готовность. Командование взял на себя венгр Перижан. Однако наиболее политически грамотные венгры во главе с Бодеску (Михайловым-Михайли) предупредили кровопролитие. Сюда прибыли представители НРА из Верхнеудинска, в числе которых находились и венгры. В интернациональном полку был проведен трехчасовой митинг с участием рабочих города и моряков Амурской флотилии. Затем последовал общий митинг двух полков — интернационального и советского, вылившийся в настоящее братание российских и венгерских бойцов³⁶.

Мужество венгров, их героизм в боях явились основой полного доверия к ним командования НРА и в частности, главкома В.К. Блюхера. Это явилось результатом работы многих венгров в органах ВЧК ДВР. Здесь работали венгры Михай Тот, Варга (Тимеско). Член ревтрибунала ДВР Эндре Шик стал впоследствии видным общественным и политическим деятелем Венгрии³⁷.

Отмечался большой наплыв венгров-участников НРА ДВР в интернациональные военные школы Москвы и Петрограда. Так, на курсы красных командиров в Москву уехал бывший венгерский военнопленный А. Гольдфингер. В 1921 г. в Петроград на обучение в Высшую особую военную школу с группой товарищей был направлен венгр Э. Светец³⁸. Впоследствии многие из обученных в российских военных школах венгров уехали на родину.

Вместе с тем немало бывших военнопленных остались жить и работать на Дальнем Востоке. После учебы на курсах красных командиров в Москве участвовал в гражданской войне в России, а позже вернулся на Дальний Восток венгр А. Гольдфингер. В 1927 г. по инициативе и под руководством участника боев на Дальнем Востоке венгра Бадоньи был сооружен памятник участникам сражения под Волочаевкой в Хабаровском крае³⁹.

Многие бывшие военнопленные по их желанию в послевоенные годы выезжали за границу с удостоверением о том, что они подлежат репатриации⁴⁰. В 1924 г. Дальревком предоставил 11 оставшимся на Дальнем Востоке бывшим венгерским военнопленным бесплатный проезд от Благовещенска до Москвы и далее до Венгрии «... эти 11 человек принадлежат к трудовому классу и ... служили в Красной Армии»⁴¹.

Таким образом, большинство венгерских военнопленных находившихся в дальневосточных лагерях в годы гражданской войны и военной интервенции, поддержали советские преобразования в России. Освобожденные из лагерей, где находились большей частью в тяжелых бытовых условиях, они активно поддержали борьбу против интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке.

- ¹ РГВИА (Рос. гос. военно-ист. архив). Ф. 28361. Оп. 3. Д. 398. Л. 1.
- ² Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И. и др. Венгерские интернационалисты борются за советскую власть на Дальнем Востоке // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. М., 1980. С. 76.
- ³ Там же.
- ⁴ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. М., 1968. Т. 2. С. 138.
- ⁵ Там же.
- ⁶ ГАХК. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ⁷ Венгерские интернационалисты... С. 143—144.
- ⁸ ГАХК. Ф. 1720. Оп. 1, Д. 2. Л. 4.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И. и др. Венгерские интернационалисты борются... С. 78.
- ¹¹ Там же. С. 79.
- ¹² Венгерские интернационалисты... С. 105—106.
- ¹³ ГАХК. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ¹⁴ Храмова Н.А. Пропагандистская и агитационная деятельность большевиков Дальнего Востока в войсках интервентов, среди военнопленных и иностранного населения (1918—1922 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. Калинин, 1973. С. 21.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАХК. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- ¹⁷ Венгерские интернационалисты... С. 146—147.
- ¹⁸ Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И. и др. Венгерские интернационалисты борются... С. 80.
- ¹⁹ Венгерские интернационалисты... С. 147.
- ²⁰ ГАХК. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 6.
- ²¹ Там же. Л. 35.
- ²² Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И. и др. Венгерские интернационалисты борются... С. 81.
- ²³ Там же. С. 81.
- ²⁴ Там же. С. 82.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ГАХК. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.
- ²⁷ Венгерские интернационалисты... С. 105—106.
- ²⁸ Там же. С. 106.
- ²⁹ Мухачев Б.И. Красный мадьяр // Дальний Восток. 1975. № 1. С. 133—137.
- ³⁰ Красный остров. Хабаровск, 1967. С. 293—307.
- ³¹ Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И. и др. Венгерские интернационалисты борются... С. 83.
- ³² ГАХК. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.
- ³³ Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. док. М., 1968. Т. 1. С. 399.
- ³⁴ Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И. и др. Венгерские интернационалисты борются... С. 85.
- ³⁵ Там же. С. 86.
- ³⁶ Дальневост. правда. Хабаровск, 1921. 9 сент.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Авдеева Н.А., Крушанов А.И., Мухачев Б.И. и др. Венгерские интернационалисты борются... С. 87.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 1099. Л. 227.
- ⁴¹ Там же. Л. 230.

SUMMARY: In the article «Hungarian Prisoners of War» Candidate of Historical Sciences E. Bondarenko examines one of the versatile aspects of the problem of foreign prisoners of war in the Far East of Russia in the 20th century — Hungarian prisoners of war in the region during the years of Civil war and foreign intervention. On the base of studying central and regional historical archives the author analyzes the reasons Hungarians had appeared both in the White and Red Armies in 1918—1922. E. Bondarenko studies their activity in the Russian Far East and gives the estimates of it. Many archive documents which the author used in the article, are introduced for the first time.